

Наталья Жилина
(Калининград)

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ И ЕГО РОМАН «МОНАСТЫРКА»

*Ж*мя писателя Антония Погорельского (1787–1836) современному читателю мало знакомо, широкой известностью пользуется лишь одно его произведение – волшебная повесть «Черная курица, или Подземные жители», заслужившая, как известно, высокую оценку В. А. Жуковского и давно вошедшая в золотой фонд детской классики. Литературное наследие Погорельского невелико, тем не менее исследователи единодушно признают его заслуги в развитии русской прозы: он стал создателем первой фантастической повести и одного из первых бытовых, «семейных» романов и занял в литературном процессе заметное место, оказав влияние на формирование и развитие романтического направления и отразившись в творческом сознании таких младших современников, как В. Ф. Одоевский и Н. В. Гоголь. В самой личности и судьбе Алексея Алексеевича Перовского – таково его настоящее имя – отразились черты современной ему эпохи. Внебрачный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского (фамилия *Перовский* происходит от названия подмосковной вотчины Перово), он получил блестящее домашнее образование, а Московский университет окончил за два года с ученой степенью доктора философских и словесных наук. К этому времени относится его первый литературный опыт – перевод на немецкий язык «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина – и начало государственной службы, прерванной вторжением Наполеона в Россию. Молодой литератор, имеющий неплохую чиновничью должность, в самом начале Отечественной войны оставил службу и стал офицером, чтобы принять участие в сражении с врагом.

Вернувшись после войны в Петербург, Алексей Перовский возобновил свои литературные связи, сблизившись с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским и другими известными русскими писателями, а позднее — с А. С. Пушкиным и А. А. Дельвигом. Вскоре он проявил себя блестящим критиком, тонко и остроумно отразив нападки тех литераторов, которые с позиций «классицистской» нормативности обрушились на поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», а уже через несколько лет появились его собственные первые повести, подписанные новым литературным именем — Антоний Погорельский. Своим происхождением этот псевдоним обязан названию черниговского села Погорельцы (доставшегося Перовскому по наследству после смерти отца), в котором он поселился вместе с сестрой и племянником, чьим воспитанием много занимался, оказав тем самым заметное влияние на творческое формирование будущего русского писателя Алексея Константиновича Толстого.

Повести Погорельского сразу обратили на себя внимание, вызвав заслуженное одобрение читателей, а критики справедливо связали их с именами Н. М. Карамзина и Э. Т. А. Гофмана — именно Погорельский заложил особую традицию освоения в России творчества великого немецкого романтика [1, с. 56–68]. Особо выделялась в цикле наиболее удавшаяся писателю сказочно-фантастическая повесть «Лафертовская маковница», в которой отчетливо проявилось себя фольклорное начало. Это был «не только первый, но и в своем роде классический образец русской фантастической повести в той ее разновидности, где основой сюжета является колдовство, т. е. известные по народным поверьям связи людей с потусторонними, адскими силами, дающими богатство и материальную власть, но и ведущими к гибели» [3, с. 142]. Известен восторженный отзыв Пушкина, писавшего брату, что «перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу» котом Мурлыкиным — ее главным героем [5, с. 133].

В совершенно ином ключе написано самое значительное произведение А. Погорельского — роман «Монастырка», публиковавшийся двумя частями с перерывом в три года (1830 год — 1-я часть, 1833-й — 2-я), который заслужил высокие оценки критиков и очень быстро приобрел большую популярность. Причин этому несколько. Прежде всего, читателя занимала напряженная событийная основа, позволяющая даже говорить об авантюрном начале. Привлекательным было и само место действия — Малороссия, заключающая в себе определенную экзотичность; вызывали интерес характеры персонажей, в которых, несмотря на некоторую односторонность и прямолинейность, заметно было и стремление к психологическому анализу; производила яркое впечатление живая, сочная народная речь. Все это заставляло с

неотрывным вниманием следить за приключениями героев. «Не чуждый некоторой сентиментальности и искусственности сюжета, роман раскрывал внутреннюю логику характеров, и картины быта и нравов обретали в нем силу жизненной правды» [6, с. 17].

Главная героиня романа — Анюта Орленко, отец которой «Трофим Алексеевич Орленко происходил от древней малороссийской фамилии», а когда «по воле незабвенной Екатерины Малороссия приняла новое образование» [4, с. 175], он в восемнадцатилетнем возрасте поступил на службу в гусарский полк. «Молодой Орленко был исправен на службе и храбр против неприятеля; начальники и товарищи любили его за правоту и добродушие. В турецкую войну получил он георгиевский крест за отбитие пушки, а во французскую кампанию с Суворовым заслужил ордена Св. Анны и Иоанна Иерусалимского» [4, с. 176]. Во все время службы Орленко мечтал о том, какой радостной будет его встреча с отцом, но когда, «украшенный ранами и лаврами, он получил чистую отставку с чином майора и приехал в свою деревню, то не застал уже в живых почтенного старика» [4, с. 176]. Приведя в порядок доставшееся ему имение, Орленко женился и счастливо прожил с женой несколько лет, пока неожиданная болезнь не прекратила ее дни. Не сумев оправиться от горя, через несколько месяцев ушел из жизни и сам Трофим Алексеевич, назначив опекуном своей дочери дальнего родственника, время от времени посещавшего их семью и сумевшего войти в доверие к хозяину. По словам автора, «будучи сам правдив и добродушен», майор Орленко «легко поверил, что внучатный брат его, которого, впрочем, видал редко, действительно так добр, каковым хотел казаться» [4, с. 181]. Оставшаяся сиротой в пятилетнем возрасте, Анюта вначале была взята на воспитание двоюродной сестрой своего отца, а затем, по стечению обстоятельств, стала воспитанницей Института благородных девиц при Смольном монастыре, после окончания которого вернулась к себе на родину, в Малороссию. Здесь она встретила Владимира Блистовского, богатого и знатного гвардейского офицера, служащего в Петербурге и приехавшего в командировку. Убедившись в своих серьезных чувствах к Анюте и в ее взаимности, Блистовский делает предложение и получает согласие ее тетушки Анны Андреевны; однако та, вспомнив, что официальным опекуном племянницы является помещик соседней губернии Клим Сидорович Дюндик (никогда не заботившийся о своей подопечной и даже не вспоминаявший о ней), предлагает жениху получить его согласие. Чтобы ускорить получение ответа, Блистовский сам отправляется к Дюндику, хотя воспоминание о прежнем кратковременном общении с ним было не из приятных: командированный в эти края для закупки лошадей, Блистовский познакомился с Дюндиком на конной ярмарке, где из-за обмана последнего упустил хорошую по-

купку. Приезд Блистовского вселил большие надежды в сердце Клима Сидоровича и его жены Марфы Петровны, которые увидели в нем хорошую партию для своей старшей дочери; узнав же, что выгодный жених посватался к Анюте Орленко, и восприняв его поступок как оскорбление, они всеми силами стараются расстроить предстоящий брак, составив для этого план разлучения влюбленных. Это кажется им тем более необходимым, что в замыслы Марфы Петровны входило выдать Анюту замуж за своего племянника, шалопоая и бездельника Прыжкова, настоящая фамилия которого — Прыжко — переделана им на русский лад. В полном соответствии со своими этическими установками они не останавливаются ни перед какими препятствиями, чтобы добиться своего: хитростью и обманом заманив Анюту к себе в имение, насильно удерживают ее там, затем устраивают ее похищение, поддельвают завещание ее отца, угрозами и шантажом вынуждая принять их требования.

Фабульная основа романа, система персонажей, характеры его действующих лиц дают все основания говорить о сходстве с комедией Д. И. Фонвизина «Недоросль» (см: [2, с. 77–108]) — особенно ярко эта параллель проявляется во взаимоотношениях семейной пары Дюндиков, чрезвычайно напоминающих господина и госпожу Простаковых. Одноплановость психологического рисунка четы Дюндиков тем не менее не помешала автору нарисовать их портреты яркими и сочными красками. Данная в экспозиции характеристика Клим Сидоровича не оставляет никаких сомнений в его внутреннем облике и постоянно подтверждается событиями романа: «Он был подл и низок в отношении к высшим, надменен и горд с равными и низшими, притом зол, мстителен, глуп и хвастлив» [4, с. 178]. Властная, своенравная и упрямая Марфа Петровна помыкает своим мужем, постоянно попрекая его за все неудачи, произошедшие в их жизни, и всегда следуя одному правилу: «...ни в чем не уступать мужу и исполнять волю свою, не слушая ни просьб его, ни убеждений» [4, с. 185]. Особенно сближает эту семейную пару с фонвизинскими персонажами принцип во всем следовать своей выгоде, не считаясь с окружающими. В противоположность Простаковой, считающей образование делом ненужным и даже вредным, Марфа Петровна готова учить своих дочерей французскому языку, но эта готовность, результаты которой изображаются автором в карикатурном виде, всецело продиктована ее тщеславием.

Сюжет романа организован таким образом, что в сознании читателя постоянно напрашивается невольное сопоставление жены Дюндика и Анны Андреевны Лосенковой — тетушки, приютившей Анюту после смерти ее родителей. В целостном портрете Анны Андреевны авторская характеристика дополняется восприятием нескольких различных персонажей — таким образом достигается впечатление объек-

тивного подхода к этой героине, мнения о которой всех окружающих ее людей близки к совпадению. Главное качество, отмеченное всеми, — ее простота: «Анна Андреевна Лосенкова была женщина простая, добродушная, и Трофим Алексеевич любил и уважал ее за отличные качества ее души, которые заставляли забывать совершенную ее необразованность и незнание правил светского общежития» [4, с. 177]. Таким образом, «отличные качества души» героини в сознании автора очевидным образом перевешивают ее простоту и необразованность. Такое же мнение о ней складывается и у отставного полковника, который после смерти майора Орленко берется устроить Анюту вместе со своей дочерью в Смольный монастырь: «Он успел короче познакомиться с тетушкой и, узнав ее кроткое сердце, ее скромную и незаносчивую добродетель, возымел к ней искреннее уважение. "Если б невозможно было поместить Анюту в монастырь, — подумал он, — то несравненно полезнее для нее было оставаться у доброй, хотя необразованной тетушки, нежели у злой и полупросвещенной Марфы Петровны"» [4, с. 187]. Доброту героини дополняет сила характера и твердость принципов, постоянно проявляющиеся в ходе событий. После смерти мужа, вместо того чтобы прибегнуть к различным способам «для приискания искусного управителя и ученой гувернантки... она, по простоте своей, отслужив усердно молебен и твердо полагаясь на помощь Всевышнего, решила принять в собственное свое попечение и детей и имение. И, в самом деле, молитва ее за Богом не пропала! При наблюдении простого правила, чтоб расходы всегда были менее прихода, успела она в короткое время выплатить все долги мужа. Притом дети ее, видя перед глазами пример доброй, скромной и некапризной матери, еще в младенческих летах показывали хороший нрав и добрые качества» [4, с. 182]. Простая, необразованная, грубоватая и прямая, Анна Андреевна обладает поистине благородным сердцем, способным полюбить двоюродную племянницу как родную дочь. Однако к таким выводам о характере этой героини читатель приходит далеко не сразу.

Первое знакомство с Анной Андреевной показано глазами Анюты, увидевшей ее после долгой разлуки и выразившей свои впечатления в письме к подруге: «На крыльце стояла дама высокая, толстая, седая, в большом мужском колпаке и в красной стамедовой юбке; на шее у нее накинут был ситцевый платок, едва прикрывающий плечи. Ноги ее, Маша! ноги были босы! Она подала мне руку, поцеловала меня в губы и сказала: "Здорово, Галечка! (тетушка называет героиню на свой лад — Галей. — Н. Ж.) Як же ти пидросла!" Маша, не показывай никому моего письма: эта дама была — моя тетенька!» [4, с. 167—168]. Ни «тетенька», ни ее дочери Праскута и Гапочка, не умеющие говорить по-французски, никогда не носящие корсетов и обувающиеся дома в большие

кожаные сапоги, не стремятся к соблюдению этикета: например, просьбу племянницы не носить по утрам мужского колпака и не ходить босиком Анна Андреевна оставила без внимания: «И матушка, и бабушка, и прабабушка ходили в колпаках, — отвечала она, — и я сама к тому с малолетства привыкла, а теперь, на старости лет, некстати мне перенимать ваши моды. А что касается до того, что ты меня видела босиком, так сама ты в том виновата: я так обрадовалась, когда ты приехала, что забыла и чулки надеть!» [4, с. 170]. Это не лишнее комизма изображение дополняется сочным украинским наречием, на котором изъясняется хозяйка имения и которое главной героине приходится переводить в своих письмах к столичной подруге. Например, рассказывая, как на ее предложение послать старинные ювелирные украшения в Петербург для переделки на модный лад тетушка ответила: «Що ти городьшь, Галя! ...ты збылась с пантельку!» — героиня добавляет: «Это по-здешнему, кажется, значит: ты с ума сошла» [4, с. 168]. Ярким комизмом отличается также история о «барде»: услышав, как тетенька в разговоре с винокуром наказывала ему беречь *барду*, Анята решила, что это «жена какого-нибудь барда, или поэта» [4, с. 169], и стала просить познакомить ее с бардой. «Ах, Маша! как же мне стыдно было, когда я узнала, что такое барда! — признается она подруге. — Здесь барда не то, что у вас в Петербурге: здесь так называют гуцу, которая остается на дне, когда делают вино!» [4, с. 169].

Отсутствие утонченности в тетеньке и сестрицах, так поразившее вначале выпускницу Института благородных девиц, в полной мере возмещается их внутренними, душевными качествами, что особенно ярко проявляется в ситуации с женихом Аняты. Авторскому анализу здесь подвергается и такая тонкая психологическая материя, как материнская любовь. Поняв, что одна из ее дочерей страдает от неразделенной любви к Владимиру Блистовскому, Анна Андреевна очень сильно переживает за нее, но поступает в полном соответствии со своими принципами: ее глубокое сочувствие к дочери не может никак изменить отношения к племяннице, счастье которой она устраивает всеми силами. «Она любила Аняту, — пишет автор, — столь же горячо, как родных дочерей своих. Но при всем том не могла быть равнодушною к положению Праскуты. Она вообразила себе, какой удар для нее будет известие о сватовстве Владимира, — и сердце ее разрывалось при мысли, что счастье одной из дочерей ее сопряжено с несчастьем другой. Наконец всегдашняя надежда Анны Андреевны на Промысел Божий ее ободрила. "Бог милостив! — подумала она, — и нас не оставит. Праскута еще так молода, что успеет полюбить другого! Анята же, верно, будет счастлива за таким добрым человеком, каков Владимир Александрович"» [4, с. 195–196]. Эта сюжетная ситуация снова наталкивает читателя на сопоставление Анны Андреевны с Марфой

Петровной, которая в сходном положении решила сделать все возможное, чтобы отомстить несостоявшемуся зятю и разрушить счастье подопечной своего мужа. Значимым представляется также изображение той внутренней борьбы, которая происходит в самой Праскуте: преодолевая в себе зависть к счастливой сопернице, она сделала все, чтобы низкие страсти не разъедали ее душу, и сумела остаться для ничего не подозревающей Анюты по-настоящему любящей и заботливой сестрой. Немолодая уже Анна Андреевна обнаруживает наивное детское мировосприятие, свидетельствующее о ясности души и чистоте сердца, показывая всей своей жизнью благотворный пример не только дочерям, но и всем окружающим. Вместе с Аней Орленко читатель получает глубокий урок понимания истинной красоты и душевного благородства: в ходе событий героиня учится отличать внешнее от внутреннего, истинное от ложного.

Большое внимание уделяется в романе взаимоотношениям помещиков с их крепостными, и в этом плане чета Дюндиков также противопоставлена Анне Андреевне — патриархальную привязанность и теплоту ко всем Лосенковым хорошо ощущает Анюта сразу при въезде в их деревню Барвеново: при виде ее кареты «из домиков выбежали дети и женщины» [4, с. 166], низко поклонились, а потом последовали за ней до самого господского дома, к которому ее сопровождала уже толпа дворовых, бежавших за каретой и кричавших: «Се наша панночка, се наша панночка!» [4, с. 166]. Приехав в поместье Будище к Дюндикам, она же отмечает, «какая разница между угрюмым видом будисских жителей и радушною приветливостию, с которою встречали ее в Барвенове, когда приехала она из Петербурга! Теперь никто не бежал за ее каретою; крестьяне, снимая шапки и низко кланяясь, по-смастривали на нее исподлобья, нахмурив брови; а дети, завидя еще издалека карету, стремглав убегали в дворы свои, стараясь скрыться от нее, как цыплята скрываются при появлении коршуна. Страх их, вероятно, происходил оттого, что карета Анютина похожа была на карету Марфы Петровны, а Марфа Петровна... вовсе не имела свойств, могущих внушить крестьянам симпатические к ней чувствования» [4, с. 266]. Именно это становится причиной той помощи, которую оказывает Анюте крепостной Дюндиков цыган Василий, в решающую минуту с риском для собственной жизни спасая ее от своих господ и их племянника.

В основу разделения всех действующих лиц на две противоположные группы положен этический принцип: на одной стороне находятся персонажи, чье поведение соотносено с эталоном, каким является высший нравственный закон, другую часть составляют те, которыми правит лишь стремление любой ценой достигнуть собственного житейского благополучия и утвердить свою волю, возвысившись над ок-

ружающими. В противостоянии этих двух групп силы оказываются неравными, поскольку такие, как Дюндик и его жена, готовы, не раздумывая, использовать в борьбе любые, самые низкие и подлые средства, к которым никогда не прибегнут их противники. Автор постоянно подчеркивает, что простодушная Анна Андреевна, как и все ее родственники, долго не может поверить в низость и коварство недругов, настолько ей чужды мотивы их поведения. Главным оружием «простаков» становится упование на Божий Промысел: крест и молитва постоянно укрепляют Аню Орленко в ее испытаниях, а ее тетушка даже в самые трудные минуты, не имея никаких известий о судьбе любимой племянницы, не перестает повторять: «Вся моя надежда на Бога: Он не оставит мою Галечку» [4, с. 337]. И одержанная ими победа оказывается вполне закономерной, поскольку в схватке с безнравственностью и злом эти герои действовали сообща, объединившись *всем миром*, без всяких социальных и иных различий. Именно это дает все основания причислять всех персонажей этой группы к «людям прежнего века», действующим в соответствии с *патриархальными, семейными* установками и исповедующим *любовь* как главный принцип своей жизни. С другой стороны, не выглядит непонятным и удивительным наказание, постигшее Марфу Петровну, которая «задохлась от гнева в точном смысле этого выражения. Прочитав письмо Анны Андреевны (с извещением о бракосочетании Анюты и Владимира. — Н. Ж.), она покраснела, потом посинела, кровь хлынула ей в голову, и она упала со стула. Ее подняли, положили в постелью и послали в ближайший город за доктором; но еще до прибытия его она скончалась, тщетно напрягая все силы, чтобы говорить» [4, с. 346]. Особое значение приобретает помещенное в конце романа замечание повествователя о судьбе цыгана Василия, получившего со всей семьей волю благодаря усилиям Анюты и Владимира и ставшего для них по-родственному своим и близким. Такой финал напоминает о высшей справедливости, которой не может избежать ни один человек.

Список литературы

1. Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература. Воронеж, 1977.
2. Иезуитова Р. В. Пути развития романтической повести // Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра. Л., 1973.
3. Измайлов Н. В. Фантастическая повесть // Там же.
4. Погорельский А. А. Избранное. М., 1985.
5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 10.
6. Турьян М. А. Жизнь и творчество Антония Погорельского // Погорельский А. Избранное. М., 1985.